 © Авторы статьи / Authors of the article

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.123 EDN: DGIVMP

ГЕРОЙ И РАССКАЗЧИК В ПРОЗЕ В.К. АРСЕНЬЕВА («ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ», «ДЕРСУ УЗАЛА»)

Научная статья

Макшеева Н.В.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-9482-5745;
[1] Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nataliakultur[at]mail.ru)

Предложена: 17.11.2023; Принята: 05.12.2023; Опубликована: 17.12.2024

Аннотация

Повествовательная манера Арсеньева, соединяющая в себе научное и художественное начало, до сих пор остается предметом дискуссии и требует внимательного изучения. В данной статье рассматриваются способы художественного моделирования мира в прозе ученого, путешественника и писателя В.К. Арсеньева. Особое внимание уделяется субъектной организации повествования, диалогическим отношениям между гольдом Дерсу Узала и руководителем полевой экспедиции Арсеньевым, который в книгах представлен как рассказчик, не тождественный автору. Рассказчик и герой в прозе Арсеньева изображены как представители разных культурных миров, каждый из которых открывает свое Я в Другом. В связи с этим автор избирает определенные повествовательные стратегии, по-разному завершая образы путешественника Арсеньева и коренного жителя края Дерсу Узала, что свидетельствует о высоком писательском мастерстве В.К. Арсеньева.

Ключевые слова: автор, рассказчик, герой, картина мира, романтизм, реализм, Арсеньев, Дерсу Узала.

HERO AND NARRATOR IN V.K. ARSENYEV'S PROSE ("ALONG USSURI KRAI", "DERSU UZALA")

Research article

Maksheeva N.V.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-9482-5745;
[1] Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

* Corresponding author (nataliakultur[at]mail.ru)

Suggested: 17.11.2023; Accepted: 05.12.2023; Published: 17.12.2024

Abstract

Arsenyev's narrative style, which combines scientific and fiction origins, is still a subject of discussion and requires careful study. This article examines the ways of artistic modelling of the world in the prose of the scientist, traveller and writer V.K. Arsenyev. Particular attention is paid to the subjective organization of the narrative, to the dialogical relations between Gold Dersu Uzala's and Arsenyev, the head of the field expedition, who is presented in the books as a narrator, not identical to the author. The narrator and the hero in Arsenyev's prose are portrayed as representatives of different cultural worlds, each of whom discovers their own Self in the Other. In this regard, the author chooses certain narrative strategies, completing the images of the traveller Arsenyev and the native inhabitant of the region Dersu Uzala in different ways, which testifies to the high writing skills of V.K. Arsenyev.

Keywords: author, narrator, hero, worldview, romanticism, realism, Arseniev, Dersu Uzala.

Введение

В.К. Арсеньев – личность уникальная по своему творческому дарованию. С детства мечтая быть путешественником и исследователем, в составе военных экспедиций (1902 г., 1906-08 гг.) он изучал Дальний Восток, Уссурийский край. Опыт полевых исследований позволил Владимиру Клавдиевичу стать профессиональным этнографом. В 1912-1915 гг. Арсеньев создает на основе путевых дневников две книги: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» [5, С. 139]. В предисловии к своему литературному труду путешественник характеризует его как «научно-популярное описание края», акцентируя внимание на задачах географических и этнографических: «В моей книге читатель найдет картины из природы страны и ее населения» [2, С. 4].

Произведения Владимира Клавдиевича известны во всем мире: переведены на 40 языков. Японский режиссер в мировым именем А. Куросава снял по мотивам двух книг Арсеньева фильм «Дерсу Узала», получивший «Оскара» в 1976 г. Известный востоковед В.В. Малявин обращался к творческому наследию Арсеньева для того, чтобы пояснить феномен евразийского мира, где «люди могут жить в душевном согласии» [10, С. 8]. Между тем природа повествования в книгах Арсеньева до сих пор остается предметом дискуссии. Как сочетаются научная и художественная составляющая в его произведениях? Сложность ответа на данный вопрос обусловлена особенностями стиля писателя. С одной стороны, его книги напоминают полевой дневник ученого, который тщательно фиксирует все, с чем приходится встретиться во время пути: особенности флоры и фауны, обычаи местных жителей, судьбы людей. Читатель узнает обо всех нюансах, связанных с подготовкой путешествия, экипировкой, продуктовым пайком. Лев Аннинский назвал стиль Арсеньева «цезаревски суховатым, исполненный чувства меры» [1, С. 45]. Но нельзя не

 © Авторы статьи / Authors of the article

заметить в книгах писателя и другие краски, несущие в себе поэтическую эмоцию. Читателя завораживают описания природы, причудливые пейзажи, апеллирующие к воображению.

Удивительно, что книги, рассказывающие о результатах военных экспедиций, читаются как увлекательный приключенческий роман. В.К. Арсеньев не просто наблюдает за реальностью и описывает ее, но творчески преображает, по-своему моделируя художественный мир. Известно, что писатель работал над созданием образов, ориентируясь на классические примеры из произведений мировой литературы. В его архиве найдены папки с выписками из сочинений А. Куприна, А.М. Горького, И.С. Тургенева, Ч. Диккенса и др.» [4, С. 26].

Цель данной статьи – подтвердить тезис о высоком профессионализме Арсеньева-писателя. Писательский талант Арсеньева проявился в способах субъектной организации произведений, художественной прорисовке образов главных героев – носителей двух разных типов сознания. Одним из важных эстетических критериев в данном случае является ориентация автора при создании образов рассказчика Арсеньева и проводника Дерсу на широкий культурный и литературный контекст.

Проза Арсеньева требует обращения к сравнительно-историческому методу исследования (компаративистика). Писатель является наследником русской классической литературы, при этом образ «благородного дикаря» в его книгах ориентирован на европейскую литературную традицию.

Основные результаты

Арсеньев-писатель выделяется в ряду других известных путешественников, публиковавших рассказы о своих экспедициях, не только тем, что он создал яркий художественный образ Дерсу Узала, но и вовлечением в свою художественную орбиту текстов предшественников. Этой проблеме посвящено множество исследований. Так, например, Е.А. Чач считает, что важным контекстом для творчества Арсеньева является культура Серебряного века с ее интересом к Востоку и восточной экзотике. Р.Д. Гнеушева рассматривает произведения Арсеньева в контексте русской литературы и культуры [3]. Сам рассказчик, при первом знакомстве с Дерсу называет его «дикарем» и вспоминает героев Фенимора Купера и Майн Рида, а описывая удегейцев говорит, что они похожи на краснокожих. Актуальный для европейского сознания круг представлений обозначен в следующем высказывании Арсеньева-рассказчика: «*Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация*» [2, С. 16].

Комплекс просветительских идей об изначальном единстве человека и природы, чистоте сознания первобытного человека, продолженный романтиками и подхваченный культурой Серебряного века, становится культурным фоном, оттеняющим своеобразие художественного решения Арсеньева. Это своеобразие точно отмечено в статье Е.А. Чач: «фигура гольда прописана не в романтическом, а в реалистическом ключе» [9, С. 111]. Художественный эффект книги и состоит в постепенном преодолении шаблонного образа «дикаря», который становится близким другом автора.

В сознании Дерсу весь мир одухотворен, пронизан невидимыми связями; Все представляется ему живым, имеющим душу: и звери, и птицы, и огонь, и вода. Животных Дерсу называет «маленькие люди». Капитан тут же переводит эти представления на свой язык: «*Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое*» [2, С. 24]. В письме 1929 г. Арсеньев отметит: «Это совершенно реальная личность» [5, С. 145]. В противовес идеализированному, достаточно искусственному образу «благородного дикаря» [10, С. 41] образ Дерсу раскрыт в книгах Арсеньева в его индивидуальной характерности, подлинности.

Не менее интересным получился у Арсеньева и образ рассказчика, также нарушающий определенные читательские ожидания.

Мы представляем себе, каким должно быть поведение ученого-натуралиста, тем более руководителя экспедиции, нацеленного на решение определенных практических или научных задач. Между тем, в поведении Арсеньева есть некоторая избыточность. Арсеньев-рассказчик изображен как созерцатель, который часто отдаляется от группы, чтобы оставшись в одиночестве полюбоваться природой: «*Предоставив им заниматься своим делом, я пошел побродить по тайге*» [2, С. 101]; «*Отойдя от бивака с километр, я сел на пень и стал слушать* (…) *Я весь ушел в созерцание природы и совсем забыл, что нахожусь один, вдали от бивака*» [2, С. 94]; «*Я смотрел, как очарованный*» [2, С. 32].

Воспринимая Дерсу сквозь призму романтической традиции (творчество Фенимора Купера и Майн Рида) Арсеньев рассказчик сам является ее носителем. Жизнь в тайге привлекает героя-романтика возможностью почувствовать себя свободным, оказавшись «вне сферы канцелярских влияний», «телефонов и предписаний» [2, С. 53]. Одухотворяя мир вокруг, эту же тягу к свободе он видит и в явлениях природы: «*Вечерняя заря ещё пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла её осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу*» [2, С. 33].

Романтизм Арсеньева – это форма любовного соприкосновения с миром, предшествующая его научному изучению: «*Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц*». При этом «любование» включает в себя и научное описание предмета (названия насекомых даны на латинском языке), и художественное образно-поэтическое. Особенности изображенного мира у Арсеньева можно охарактеризовать словами русского критика о романтизме: «романтическим делается предмет, когда приобретает он вид чудесного, не теряя при этом своей истины» [6, С. 20].

Безусловно, эта способность воспринимать мир как целостное и одухотворенное целое сближает образы рассказчика Арсеньева и Дерсу Узала. Именно поэтому ученый-путешественник так легко может увидеть мир глазами первобытного охотника-гольда. Ведь что такое анимизм Дерсу? Это «чувство общей жизни», «особенно сильная любовь к человеку и всему живому», – писал Пришвин в книге «Золотой рог». Это же качество, – продолжал писатель, – есть у всех больших ученых. И они «не теряют его даже тогда, когда их работа приобретает чисто практический, даже технический характер» [8, С. 108].

 © Авторы статьи / Authors of the article

Заключение

Способы организации повествования в прозе Арсеньева свидетельствуют о его высоком писательском мастерстве. Автор по-разному завершает образы главных героев. Неожиданно для читателя Арсеньев – ученый-естественник предстает в книге как романтик и созерцатель, а восточный «мудрец» Дерсу Узала как деятельный и находчивый практик. При этом обнаруживается глубинная общность двух сознаний, принадлежащих разным культурным мирам. По остроумному замечанию Пришвина: «Дерсу Узала при всей своей индивидуальной подлинности явился не сам по себе, а через Арсеньева» и, следовательно, «инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме ученого» [8, С. 109].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аннинский Л.А. Спектр простоты / Л.А. Аннинский // Искусство кино. — 1975. — 11. — С. 43–46.
2. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. — Ленинград : Лениздат, 1978. — 512 с.
3. Гнеушева Р.Д. Творчество Арсеньева в контексте русской культуры и литературы / Р.Д. Гнеушева // Арсеньевские чтения : материалы международной научно-практической конференции. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — С. 46–49.
4. Головнёв И.А. "Открывая Дальний Восток. . . ": образы территории в творчестве В.К. Арсеньева / И.А. Головнёв, Е.В. Головнёва // Человек в мире культуры. — 2017. — 4. — С. 26–30.
5. Кузьмичев И.С. Писатель Арсеньев. Личность и книги / И.С. Кузьмичев. — Ленинград : Советский писатель, 1977. — 240 с.
6. Мартынов И.И. Северный вестник / И.И. Мартынов. — СПб. — 377 с.
7. Малявин В.В. Евразия и всемирность. Новый взгляд на природу Евразии / В.В. Малявин. — Москва : РИПОЛ-Классик, 2015. — 350 с.
8. Пришвин М.М. Золотой рог / М.М. Пришвин. — Москва-Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. — 317 с.
9. Чач Е.А. Серебряный век как историко-культурная парадигма на примере творчества В.К. Арсеньева / Е.А. Чач // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2011. — 4. — С. 109–116.
10. Элиаде М. Миф о благородном дикаре или престиж начала / М. Элиаде // Мифы, сновидения, мистерии. — Москва : Рефл-бук, 1996.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anninskij L.A. Spektr prostoty [Spectrum of Simplicity] / L.A. Anninskij // The Art of Cinema. — 1975. — 11. — P. 43–46. [in Russian]
2. Arsen'ev V.K. Po Ussurijskomu kraju. Dersu Uzala [In the Ussuri region. Dersu Uzala] / V.K. Arsen'ev. — Leningrad : Lenizdat, 1978. — 512 p. [in Russian]
3. Gneusheva R.D. Tvorchestvo Arsen'eva v kontekste russkoj kul'tury i literatury [Arsenyev's creativity in the context of Russian culture and literature] / R.D. Gneusheva // Arsenyev Readings : materials of the International Scientific and Practical Conference. — Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2000. — P. 46–49. [in Russian]
4. Golovnev I.A. "Otkryvaja Dal'nij Vostok. . . ": obrazy territorii v tvorchestve V. K. Arsen'eva ["Discovering the Far East...": images of the territory in the works of V. K. Arsenyev] / I.A. Golovnev, E.V. Golovneva // Man in the World of Culture. — 2017. — 4. — P. 26–30. [in Russian]
5. Kuz'michev I.S. Pisatel' Arsen'ev. Lichnost' i knigi [Writer Arsenyev. Personality and books] / I.S. Kuz'michev. — Leningrad : Sovetskij pisatel', 1977. — 240 p. [in Russian]
6. Martynov I.I. Severnyj vestnik [Northern Bulletin] / I.I. Martynov. — St. Petersburg. — 377 p. [in Russian]
7. Maljavin V.V. Evrazija i vsemirnost'. Novyj vzgljad na prirodu Evrazii [Eurasia and the World. A New Look at the Nature of Eurasia] / V.V. Maljavin. — Moscow : RIPOL-Klassik, 2015. — 350 p. [in Russian]
8. Prishvin M.M. Zolotoj rog [Golden Horn] / M.M. Prishvin. — Moscow-Leningrad : Publishing House of Writers in Leningrad, 1934. — 317 p. [in Russian]
9. Chach E.A. Serebrjanyj vek kak istoriko-kul'turnaja paradigma na primere tvorchestva V.K. Arsen'eva [The Silver Age as a historical and cultural paradigm using the example of the work of V.K. Arsenyev] / E.A. Chach // Bulletin of St. Petersburg University. Story. — 2011. — 4. — P. 109–116. [in Russian]
10. Eliade M. Mif o blagorodnom dikare ili prestizh nachala [The myth of the noble savage or the prestige of the beginning] / M. Eliade // Myths, dreams, mysteries. — Moscow : Refl-buk, 1996. [in Russian]